

СОДЕРЖАНИЕ

Алексей Олейников
ДВОЕ С УЛИЦЫ ЗОЛОТОЙ РЫБКИ

6

Софья Ремез
ЛЕТО Я ПРОВЕЛА В МЕКСИКЕ

42

Лариса Романовская
ЗАКЛЯТЬЕ СОРОКИ-ВОРОВКИ

60

Дарья Доцук
ЗДЕСЬ БЫЛИ ПИРАТЫ

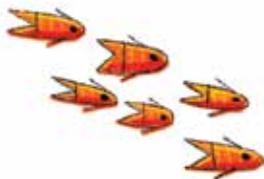
82

Анастасия Строкина
БРАТСТВО МАЯКА

104

Яна Летт
БИРЮЗА ИЗ ЦИРКОВЫХ

124

ДВОЕ С УЛИЦЫ

Золотой рыбки

Алексей Олейников

Город был довольно большой и шумный.

Он был не таким местечком, которое оживает только в летний сезон, когда толпы отдыхающих заполняют улочки, пляжи и набережную и на каждом свободном пяточке разворачивается бойкая торговля надувными крокодилами, кремами от загара, для загара, аэрозолями от комаров, капитанскими фуражками и соломенными шляпами того особенного покроя, какой носят исключительно на курортах. Бог его знает, куда деваются эти шляпы потом, — быть может, их уносит ветром на остров Потерянных Шляп, где они грустно перекатываются по песку, вспоминая короткое, но яркое время, когда они украшали чьи-то головы. Единственная радость для них — коротать вечность за воспоминаниями о бурной юности.

Так вот, наш город совсем не был похож на эти городки, где из всех радостей — лежать под солнцем, кататься на бананах, воевать с чайками за кукурузу и, если повезёт, обмазаться целебной грязью и опять же лежать.

Город был портовый и деловой. На рейде стояли молчаливые корабли, мигая в тёплой темноте огнями

и терпеливо ожидая своей очереди подойти к грузовым терминалам, где целое стадо кранов, похожих на грустных жирафов, вертело шеями, разгружая контейнеры.

Поезда маневрировали по путям, которые переплетались и были похожи на рентгеновский снимок цветочного букета. Локомотивы переругивались пронзительными гудками, они увозили и привозили эшелоны цистерн и грузовых вагонов.

Конечно, были в этом городе и набережные, и пляжи, и широкие бульвары, вымощенные выщербленными плитами. Старые сосны и каштаны сплетались ветвями над бульварами и поднимали корнями эти плиты, так что в темноте следовало идти осторожно, иначе можно легко споткнуться. А гулять по бульварам стоило именно в темноте.

Улица Золотой Рыбки поднималась от центра в гору, начиналась она за центральным рынком и шла вверх.

Именно там, на этой улице, и началась наша история. А началась она с убежавшего арбуза.

Жара стояла страшная, небывалая, и цикады орали так, что хотелось надеть беруши. Отчего-то они всегда орали во время такой жары.

После утреннего похода на море всё семейство Верёвкиных лежало пластом. У младшего брата Игоря почти трёх лет от роду было ужаснейшее воспали-

ние его детского характера. Игорь Степанович орал, капризничал, швырял всё, до чего мог дотянуться, и вёл себя хуже, чем Наруто в первом сезоне. Мама сказала, что он перегрелся и устал, и с трудом уложила его спать. Ну и сама с ним заснула.

Папа рухнул на диване с бутылкой газировки и сказал, что никуда не двинется ближайšie два часа. Отдых давался ему тяжело. Ещё бы! Утром они сначала спускались вниз к остановке, прячась в прозрачной тени редких акаций, потом ждали маршрутку до пляжа, потом искали место потише — подальше от кафе с грохочущей музыкой и толп отдыхающих, потом папа надувал матрас для мамы и круг для Игоря, потом ловил уплывший матрас, потом снова надувал круг, потом прилёг на полотенце, но тут же подхватился и побежал снова надувать круг, потому что Игорь Степанович забавы ради выдёргивал затычку.

Затем папа пошёл освежиться, прыгнул с камня и ударился о какую-то старую железку на дне. Из моря он вышел мрачным. С Майей он так и не поплавал. А потом им пришлось проделать весь путь обратно. Мама несла откормленного капризного кабанчика, которого по какому-то недоразумению им вручили в роддоме вместо её ангельского сына, а папа хромал позади — тащил сумки с полотенцами, водой и сдутым матрасом. Круг он повесил себе на шею. Понятно, что после такого экстремального отдыха папа

только лежал и смотрел в стену. Кушетка была ему коротка, волосатые ноги перевешивались через край. Он протягивал руку и отпивал из бутылки на столе. В тишине было слышно, как ноет Игорёк в спальне и шипит газировка во рту папы.

Майе его было немного жалко.

Потом газировка кончилась, папа повернулся на бок и сообщил, что пришёл её час. Оказывается, именно для этого её и растили все десять лет — чтобы она смогла подать ему стакан газировки на старости лет. А на сдачу купить себе что-нибудь.

Майя поупрямилась немного для порядка, но согласилась. Сгонять в магазин за газировкой и заодно прикупить чипсов или мороженого — неплохой вариант. Магазин недалеко, на углу. При этом она прогуляется одна — девочка всегда любила это чувство, когда гуляла сама по себе, но рядом с домом, в безопасности.

Майя покатила на самокате — одна бутылка ей бы точно не помешала кататься.

Но чёрт её дёрнул купить арбуз! Шла бы себе, облизывала вафельный стаканчик и горя не знала. Верно говорят: не делай добра, и ничего плохого не случится.

Но ведь арбузы лежали зелёной прохладной горой в глубине павильончика — огромные, полосатые и сочные. Как принцы за зелёной решёткой. А рядом

в кресле дремал продавец — смуглый и прожаренный солнцем. Будто дракон, он охранял свои арбузные и дынные сокровища.

Майя постояла, потрогала тёплые пыльные прутья.

— Хочешь дыню, девочка? — Продавец приоткрыл глаза и сел. — Дыня хорошая, сорт «Орлеанская дева».

Майя покачала головой.

— Тогда арбуз? — Продавец огляделся и с огорчением махнул рукой: — Э, нет маленьких. Тоже хороший сорт, «Последняя сладость». Вот этот возьми?

Он протянул арбуз примерно с её голову.

Порыв морского ветерка прошёл сквозь прутья решётки и обдал Майю запахами. И сразу так арбузика захотелось.

Вот она и купила. Но другой. Килограммов на пятнадцать. Огромный. Продавец потёр большой с горбинкой нос и с сомнением на неё посмотрел — точно донесёшь? Майя зыркнула в ответ зелёными глазами — мол, сама разберусь. Поставила арбуз на самокат, повесила пакет с газировкой на ручку и покатила. Арбуз качался и то и дело норовил соскочить, так что идти приходилось осторожно.

Продавец залёг обратно в кресло, но она спиной чувствовала: наблюдает и смеётся! Смеётся и подглядывает, как она мучается.

Майя с прямой спиной дотащила арбузище до угла и обернулась, чтобы гордо посмотреть на продавца.

Повернула самокат, и... арбуз качнулся и с глухим стуком упал на землю. Полежал секунду, подождал, пока Майя откроет рот, и покатился прочь, как колобок от прожорливого зайчика. Майя была занята — она ловила бутылку газировки.

В общем, когда она подняла глаза, арбуз удалялся от неё, набирая ход и прыгая на кочках. Майя пискнула, прыгнула на самокат и рванула следом.

В глухой полуденный час, где-то между часом и тремя, когда благоразумные люди не выходят на улицу и вообще стараются не принимать вертикальное положение без особой нужды, вниз по улице Золотой Рыбки катился большой арбуз. За арбузом на самокате мчалась девочка в небесно-голубом сарафане.

Арбуз пролетел повороты на Казачью, потом Станичную, Заставную и Атаманскую — крохотные улочки, уходившие круто вверх по склону холма, — и, набирая ход, полетел дальше. Вот от него шарахнулись прочь сонные голуби, вот подскочила на ограду рыжая кошка, две старушки на скамейке у стены в тенёчке синхронно схватились за сердце, когда мимо промчался зелёный метеор.

Арбуз сунулся под колёса тонированной «Лады», которая вырুলивала из Гранитного переулка. Води-

тель ударил по тормозам, и его крики перекрыли даже грохот музыки.

А арбуз набирал скорость. Позади остались Кварцевый, Янтарный, Песочный и Щебёночный проезды. Они перелетели Вишнёвую улицу, и в глаза Майе ударило солнце, сверкающее на волнах. Она вцепилась обеими руками в руль, самокат дребезжал на камнях, которые выворотили из земли корни старых акаций, а проклятая ягода катилась вниз.

«Когда ж он разобьётся?» — подумала девочка. Она пригнулась, чтобы ветки вишни не ударили по лицу, и чуть не сбила с ног мальчишку на самокате, который выезжал со двора. Тот возмущённо прокричал что-то наверняка обидное, но Майе было не до него — мерзкий арбуз продолжал творить бесчинства и беззаконие на дорогах. Только что из-за него с воплем врезался в забор важный бородатый дядька на моноколесе — арбуз зацепил его полосатым боком и покатился себе дальше.

Ветер свистел в ушах, дома проносились так быстро, что сливались в один очень длинный дом, и Майя с ужасом осознала, что не сможет остановиться, — так быстро она ехала. Справа в поле зрения появился неопознанный объект. Майя помотала головой, стряхивая с лица паутину, и поняла, что это мальчик, которому они с арбузом чуть не причинили тяжкие телесные повреждения.

Он толкался ногой, разгоняясь, и не без удовольствия на конопатом лице наблюдал за погоней.

— Это твой арбуз? — прокричал он, поравнявшись с Майей.

— Ну, допустим, — уклончиво ответила Майя, но ветер унёс половину фразы.

— Здоровенный! — радостно согласился мальчик. — Меня Петя зовут!

Майя решила, что мальчик умом не блещет, и сосредоточилась на погоне. Не стоит делать эту странную ситуацию ещё более странной — а знакомство с мальчиком Петей во время скоростного спуска по улице вслед за бешеным арбузом обычным делом не назовёшь.

Петя ускорился, чуть обогнал её и крикнул:

— Там проспект!

— Чего? — не поняла Майя, она как раз объезжала здоровенную белую чайку, не пойми откуда взявшуюся на дороге.

— Проспект, говорю! — всё так же радостно заорал Петя. — Имени Ленина! Три полосы! В каждую сторону!

Майя и сама видела. Там, внизу, блестела лакированными крышами река автомобилей. Арбузу осталось пролететь два квартала и всё. Майя представила, как пятнадцать килограммов «Последней сладости» врезаются в лобовое стекло какого-нибудь автомо-

бия, и от ужаса чуть не закрыла глаза. Но тут случилось такое, отчего она едва не упала с самоката.

На предпоследнем повороте, в Айвовом переулке, арбуз затормозил и вдруг повернул налево. Майя, уже ничего не понимая, вошла в поворот, пригибаясь к рулю, как велогонщик. Настырный мальчик Петя не отставал.

Арбуз прокатился вверх по склону, резко вильнул вправо и нырнул в боковую улочку. Майя влетела следом.

— Тупик! — крикнул Петя. — Отбегался!

И верно — дорога упиралась в закрытые железные ворота гаража. Над тупиком из двора частного дома рядом с гаражом поднималась в бледное жаркое небо разудалая кавказская музыка.

Майя ударила по тормозам — самокат завиял. Она сбросила скорость, но всё ещё ехала слишком быстро.

Девочка поняла, что сейчас арбуз размажет по гаражу, а следом размажет и её. Но сделать ничего уже не успевала. Прощай, мама, прощай, папа, прощай, неразумный брат Игорь Степанович и их кот-сфинкс Лысик!

Арбуз подпрыгнул на неровно уложенной плитке, ударился в ворота и... исчез.

Железная стена надвигалась, музыка наяривала, Майя отчётливо разглядела облупленную лиловую краску и пятна ржавчины. Всё это стремительно при-

ближалось, а потом она врезалась в ворота, и наступила темнота. Самокат ударился обо что-то большое и упругое, Майя повалилась на землю, а сверху на неё с ужасающими криками упал кто-то ещё. По голосу Майя поняла, что это был настырный мальчик Петя. Он пребольно ударил её по ноге своим самокатом, и она тоже заорала.

Так они кричали некоторое время, пока не стало понятно, что боль постепенно проходит, а вот понимания, что случилось, у них не прибавляется.

Майя, как мудрая женщина, прекратила истерику первая. Она встала и с шипением растёрла голень. Больно-то как!

Что произошло? Где они? Где этот арбузный монстр? «Последняя сладость»! Теперь она понимает, почему его так назвали!

— А мы где? — спросил Петя. Судя по голосу, он так и сидел на земле.

— Понятия не имею. — Майя поводила вокруг руками. Пусто, пусто, железная стена, горячая от солнца, под ногами... шины?

— Мы же в гараже? — с удивлением сказал Петя. — А как мы тут оказались?

Он не договорил, но Майю мучил тот же вопрос.

А как арбуз не разбился, прокатившись километра два по асфальту? А как он сквозь железную стенку прошёл?

— Может, ворота открылись, и мы заехали? — Майя попробовала остаться в рамках разумного. Папа ей всегда говорил: если можно объяснить просто, не надо усложнять.

— А потом сразу захлопнулись, ага, — сказал Петя. — И мы ничего не заметили.

Майя нахмурилась. Вообще непонятно, почему она должна терпеть какого-то приبلудного мальчишку, который разрушает её теории! Это её погоня и её арбуз. Кстати, а где арбуз? Где этот полосатый гад?

Она принялась шарить вокруг, но под руки попадались только железки, какие-то пакеты и мальчик Петя.

— Ай! Ты чего? — Он заворочался в темноте.

— Арбуз ищу, — сказала она. — Ладно. Если ворота не открывали, как мы тогда тут оказались?

— Прошли насквозь. — Петя шмыгнул носом.

— Чего?!

— Обыкновенная трансгрессия, — сказал Пётр. — Или телепортация на сверхкороткие расстояния.

— Ты умеешь... э... трансгрессировать? — спросила Майя. Вот же угораздило её подцепить психа по дороге!

— Нет. А ты?

— И я не умею.

«Может, не псих?» — подумала Майя. Богатая фантазия, «Гравити Фолз» пересмотрел.

— Твой арбуз умеет, — уверенно заключил Пётр. Майя поняла, что у него серьёзная травма головы. Приложился об железку головой.

— Ну да, мой арбуз и не такое умеет, — вздохнула она. Надо срочно вызывать скорую помощь — может, у него кровь хлещет. А она мобильник дома оставила.

— У тебя голова не болит? — спросила она.

— Попа болит, — мрачно сказал Петя. — Я на неё упал.

Глаза постепенно привыкли к темноте, и стало видно больше. Позади из-под ворот пробивалась полоска света. Были видны мешки, инструменты, несколько шин, в которые они врезались. Дальше стояла машина — большая, чуть блестящая в темноте, мощная даже на вид.

Петя потрогал шильдик на капоте и уважительно сказал:

— «Майбах».

— Крутая, да? — Майя в машинах не разбиралась совершенно, зато успела мельком осмотреть голову Пети: крови видно не было.

— У тебя нет телефона?

Петя только горько вздохнул, и сразу стало понятно, насколько у него нет телефона.

— Как же нам отсюда выбраться? — Она подёргала ворота. Заперто.

— Давай покричим, позовём кого-нибудь, — предложил Петя.

— И что мы скажем? Извините, нас сюда заманил арбуз и мы прошли сквозь запертые двери?

— Ты же сказала, что они были открыты? — Петя опять шмыгнул носом.

— А может, потом захлопнулись! — нашлась Майя. — Вдруг там замок автоматический.

Петя чихнул и полез вперед, пробираясь вдоль машины.

— Ты куда?

— С той стороны тоже ворота, — пояснил он. — Может, открыты. — Он опять чихнул.

— Ты чего расчихался?

— У меня эта... астма, — важно сказал Петя. — Страшное дело.

Он явно повторял слова кого-то из взрослых, но Майя не слушала. Она увидела арбуз!

Вот же он, лежит, наглый, полосатый голубчик, и чуть заметно мерцает на боку прохладный зелёный блик. Майя подкралась и потянулась к нему. Арбуз легко откатился. Майя открыла рот. Нет, он точно сам двигался! Может, это она головой ударилась? Причём давно, ещё в начале погони, и теперь лежит под забором с разбитой головой, а бродячие собаки с умными чёрными глазами жалостливо облизывают её раны, и всё это ей только кажется?

— Петя? — шёпотом позвала она. — Подойди, пожалуйста, сюда.

Пётр, чихая и спотыкаясь, подошёл.

— Ну чего?

— Арбуз видишь?

— Нет, — хлюпнул носом Петя.

— А он есть, — сказала Майя. — За колесо закатился.

Петя присел на корточки.

— Теперь вижу, — подтвердил он. — И что?

— Попробуй его взять. — Голос у Майи был сахарный, как сок арбуза «Последняя сладость».

— Зачем это... апчи! — Голос Пети был полон сомнений. — Пусть себе лежит. Мало ли что. Может, взорвётся.

Майя, кстати, такой вариант вовсе не исключала. Она подняла шину и спряталась за ней.

— Ну пожалуйста! — попросила она жалобно. — Хочу понять: мне всё это кажется, или он и правда двигается?

Петя глубоко вздохнул, огляделся. Поводил руками и выудил длинную палку. Протянул её. Осторожно дотронулся.

Арбуз не двигался.

Ну всё, значит, она ударилась головой, поняла Майя. Вот тебе и сходила за лимонадом!

Петя толкнул ещё раз. Не двигается.

Протянул руку.

— Вроде не двигается, — сказал он. — Сломался, что ли?

Он похлопал арбуз. И тот исчез.

Майя уронила шину и завизжала. Арбуз крутанулся и прыгнул прямо на неё.

И Майя тоже исчезла.

Ворота гаража заскрипели, открылись. Солнечный свет упал в темноту и раздвинул её по углам, прорезав в ней расходящуюся дорожку. Чёрный «Майбах» приветливо сверкнул фарами.

В проёме стоял мужчина лет пятидесяти в светлой рубашке с короткими рукавами и лёгких брюках. На ногах его были шлёпанцы, а на лице бродила довольная улыбка. Обеими руками он держал большую клетку, завешенную плотной тканью.

Он охнул, глядя на беспорядок в гараже.

— Э, что такое? Арсен!

Спустя некоторое время высокая калитка рядом с гаражом открылась, и оттуда выглянул мальчик с сонными чёрными глазами.

— Что, дядя Гамлет?

— Это ты такой беспорядок устроил? Опять в машину залезал? Ты знаешь, сколько она стоит?

— Дядя, ты ж говорил, что дороже меня ничего нет.

— Когда это я такое говорил? — удивился дядя.

— Вчера, после третьей бутылки. Когда вы маму поздравляли и ты эту птицу доставал.

— Э, ты спать должен был уже! — Гамлет покачал головой. — Скажи, зачем такой бардак устроил?

— Это не я, — обиделся Арсен.

— А кто?

— Может, кошки?

— Кошки? Зачем кошкам «Майбах» Виктора Олега?

— Машина зверь, кошка тоже зверь — понимает.

— Арсенчик, ты мне зубы не заговаривай, давай лучше приберись, мне ехать пора.

— А чего я, пусть кошки убирают...

— Арсен, я сейчас забуду, что ты мой любимый племянник. Гаянэ, сестра, твой сын опять забыл, что он не главный в доме!

— Ладно, ладно, — замахал руками обиженный Арсен. — Уберу я эти шины.

— И про птицу не болтай, понял? — Гамлет открыл багажник и поставил туда клетку. — Тайна это. Секрет!

— Тоже мне, секрет... Обычный попугай, — пробурчал мальчик.

— Э, понимал бы что! — Гамлет помахал рукой. — Это не просто птица, это...

Тут он замолчал и уставился на арбуз под ногами.

— Забыли, что ли? — пробормотал он. — Ну, у Гаянэ ещё таких много. А мне пригодится.

Он поднял арбуз и закинул на заднее сиденье.

— Всё, дорогой, я поехал. — Он потрепал Арсена по голове, тот вывернулся и возмущённо стал поправлять причёску. — Через неделю приеду.

— Опять попугая привезёшь? — поинтересовался Арсен.

Дядя повёл могучей волосатой ладонью — мол, много ты понимаешь — и захлопнул дверь. Машина мягко выкатилась из гаража и, шурша шинами, поехала вверх.

— Не трогал я тут ничего, — мрачно сказал Арсен. — О, а это откуда?

Он с интересом посмотрел на два самоката у стены гаража.

— Что вообще происходит? — шёпотом спросила Майя. Впрочем, она могла кричать, вопить, орать и рыдать — их никто бы не услышал. Они были в полной темноте. Очень сильно пахло арбузом.

Майя чувствовала себя странно. Она понимала, что она Майя Верёвкина десяти лет, приехала три дня назад из Тулы на море, любит барбарисовый лимонад, зефир и мультики про Леди Баг. Но при этом Майя чувствовала, что она маленькое чёрное семечко внутри большого полосатого и весьма коварного арбуза. А рядом такое же семечко, которое зовут Петя.

— Мы внутри арбуза, — сказало семечко Петя.
— Быть не может! — возмутилась Майя.
— Ну докажи, — предложил Пётр.
— Запросто! — сказала девочка. — Я в тебя вре-
залась, и мы оба без сознания лежим.
— Ага, нас накрыло арбузом, — хихикнул Петя.
— Да ну тебя! — Майя возмущённо замолчала,
прислушиваясь.

Рядом сопел Петя. Их немного качало. «Майбах»
катился куда-то по горной дороге.

«Я похищена арбузом, — подумала Майя. —
За что?»

— Как думаешь, куда нас везут? — наконец спро-
сил Петя.

— Откуда я знаю! — возмутилась Майя. — Это-
го вообще не может быть! Я сплю! И ты мне снишь-
ся! И арбуз снится! Это всё кошмар!

— А вдруг мы отсюда не выберемся? — грустно
сказал Петя. — Или ещё хуже...

Он замолчал.

— Что может быть ещё хуже?! — разозлилась
Майя. — Мы застряли в сумасшедшем волшебном
арбузе!

— А что будет, когда он захочет его разрезать? —
зловещим голосом сказал Петя.

Майя содрогнулась.

— Нет, — сказала твёрдо она. — Ни за что!

— Обычно так с арбузами и поступают, — ещё более грустно сказал Петя и хлюпнул носом.

— У тебя что, астма не прошла?

— Не, — прогнусавил Петя.

— Ты же семечко! Ты в арбузе!

— Ну и что... — пробормотал Петя. — Всё равно чихается.

— Не надо на меня чихать! — занервничала Майя.

— Я... не... могу!

И Петя чихнул.

Когда за спиной у Гамлета Давидяна, персонального водителя Виктора Олеговича Наворотного, очень уважаемого человека в масштабах края да и, что греха таить, всей страны, раздался оглушительный хлопок, он сначала ничего не подумал. Ударил по тормозам, резко свернул на обочину, распахнул дверь и вывалился на землю. А потом очень резво для своей комплекции пополз в сторону леса. Перевалился через отбойник и скрылся в кустах.

Гамлета можно было понять. Он работал на своего старого армейского друга Наворотного без малого двадцать лет, и за это время с ним случалось всякое. Путь олигарха Наворотного на вершину пищевой цепи был извилист, тёмн и усеян совсем не розами. Чего только не случалось с Гамлетом Давидяном! И пулями в машину стреляли, и бомбы подкладывали, и отравленных гусей подсылали, и быков-берсерков

натравливали, и с самолётов ядохимикаты распыляли. Всякого навидался водитель Гамлет на службе у зернового олигарха Наворотного. А прожил так долго, потому что сначала прятался, а потом разбирался.

Вот и сейчас тело у Гамлета само по себе упало, уползло и спряталось. А потом выглянуло из кустов.

В машине на заднем сиденье кто-то сидел. Водитель был готов поклясться: когда он уезжал из гаража от любимой сестры Гаянэ после празднования дня рождения, на заднем сиденье были только арбуз и птица в багажнике. А теперь...

Дверь открылась. Из машины вылезла худенькая светловолосая девочка лет десяти. За ней вылез мальчик — чуть пониже, крепенький, с тёмными волосами.

За ними выкатился арбуз. Упал на землю, подпрыгнул, как мячик. И подкатился к багажнику. Сам.

Дети переглянулись и пошли за ним.

«Засиделись мы вчера, — грустно подумал Гамлет. — Не надо было пятую банку бабушкиной браги открывать. Арбузы мерещатся. И дети».

Телефон завибрировал в кармане. Гамлет посмотрел на номер и затосковал. Телефон не замолкал. Гамлет посмотрел на небо. На облака. Птиц.

Телефон замолчал. Гамлет облегчённо вздохнул, но тут телефон зазвонил снова. Водитель поморщился и нажал «Ответить».

— Ну и где моя птица? — спросил телефон.

— В машине, — ответил Гамлет.
— А ты где?
— Рядом с машиной, — честно ответил он.
— Так вези её! У меня три тыщи человек только тебя ждут!

— Да... — Гамлет замялся. — Виктор Олегыч, тут такое дело...

— Гамлет! — Голос в трубке стал очень серьёзным. — Ты же мне привезёшь птичку? Ты знаешь, сколько она стоит? Гамлет, ты до стольки считать не умеешь! Давай, друг, ноги в руки и живо сюда! Иначе твоя связь времён прервётся. Я тебе обещаю!

— Да, конечно, скоро буду, — без запинки ответил Гамлет, глядя, как дети открывают багажник. — О чём речь, Олегыч, дорогой!

— Живо сюда, я вижу по джипиз, где ты околачиваешься!

— Я мигом, — заверил Гамлет. Положил трубку, огляделся, выломал сухую ветку и потрусил к машине. Неважно, откуда взялись эти дети с арбузом, ему просто надо доставить груз шефу.

Майя неуверенно потрогала багажник. Открывать его не хотелось. Ей вообще ничего не хотелось, только запереться в комнате, зарыться под одеяло и не выходить наружу примерно год.

— Нам точно надо открывать? — спросила она. — Может, просто уйдём? Тот дядька убежал.

— И что, всё было зря? — возмутился Петя. — Я, между прочим, из арбуза ради этого вылез. То есть сначала проглотился, а потом вылез.

Майя покосилась на него. Вылез — это Петя приврал. Он просто чихнул, и они оказались на сиденье машины. А рядом лежал арбуз, целый, довольный и сверкающий. Как всё это произошло, она так и не поняла. Но подозревала, что это проделки подлой «Последней сладости».

— Может, пойдём? — робко предложила она. — Вон, я город отсюда вижу. К вечеру дойдём...

Арбуз грозно подпрыгнул, как бы намекая, что далеко они не уйдут.

Петя толкнул багажник. Перед ними стояла большая клетка, накрытая плотной синей тканью.

— Нам её открыть? — спросил Петя у арбуза.

Тот нетерпеливо покрутился. Петя протянул руку...

— Мальчик, отойди от клетки! Христом Богом прошу! — хрипло попросил мужской голос.

Дети оглянулись. За их спиной стоял водитель. В руке он держал здоровенную палку и тяжело дышал. По красному лицу и лысине Гамлета Давидяна катился пот. Весь его организм протестовал против такого развития событий.

— Ничего не хотел, — сказал он. — Просто сестру благословить, да? Кто бы узнал? Я просто к сестре заехал.

— Извините, — сказала Майя. — Мы тоже не хотели. Мы случайно.

Она ничего не понимала, кроме того, что водитель очень нервничал, а в руке у него была здоровая палка.

— Виктор Олегыч сказал: сразу вези её из аэропорта в агрокомплекс, — пробормотал Гамлет. — А я подумал: убудет, что ли, от этой птицы? Пусть сестре подарок сделает. Семье, роду нашему...

Дети переглянулись.

— Да мы вообще ничего, — подтвердил Петя. — Это всё он. — Мальчик указал на арбуз.

Гамлет уставился на ягоду. Потом посмотрел на Майю. Лицо у него сморщилось, будто бы он хотел заплакать — но ведь такие большие взрослые и лысые дяди не плачут.

— У меня дочка как ты, — сказал он. — Отойди, пожалуйста, девочка.

Майя медленно отодвинулась от машины в одну сторону, Петя — в другую. Гамлет осторожно подошёл и захлопнул багажник. Неуверенно улыбнулся.

— Я поеду тогда? — спросил он.

— Ага, — кивнули дети, отодвигаясь ещё дальше.

Улыбка облегчения расцвела на красном лице водителя Давидяна.

— И арбуз этот заберите, — сказал он, а после радостно пнул его.

И исчез.

Ноги у Майи подкосились, она села прямо в горячую пыль. Петя подошёл и похлопал её по плечу.

— Так я думал, — сказал он.

— Что думал? — прошептала Майя. Она плакала. Как такое вообще могло с ней случиться? Она ведь просто вышла купить газировки! За что ей это всё?

— Мы ему нужны. Арбузу.

— Зачем?!

Петя подошёл к машине, открыл багажник. Майя встала и вытерла слёзы.

— Как думаешь, что там такое? — спросила она. — Что за птица?

— Наверное, волшебная, — предположил Петя. — Всё равно он нас не отпустит, пока не откроем.

Арбуз покачался на месте — дескать, не отпущу, верно рассуждаешь.

Петя протянул руку, и в последний момент Майя тоже решила — схватилась за ткань.

— На счёт «три», — прошептал Петя.

Майя зачем-то заметила, что у него серые с голубым глаза. И они сдёрнули покрывало.

— Вот же долго вы! — капризно заметила девочка в клетке.

Дети остолбенели. В клетке сидела девочка, на вид лет пяти, совсем кроха. Волосы у неё были золотые — и это было не метафорой, они и правда свер-

кали на солнце. Одетая она была в белую рубашку до пят с красным геометрическим узором. Материал рубашки был странным, похожим на мелкие птичьи перья — если бы можно было сшить рубашку из крохотных белоснежных пёрышек. На шее у неё сверкало ожерелье из золотых кукурузных зёрен. Глаза у девочки были ярко-зелёные.

— Открывайте уже! — возмутилась девочка. Майя заметила, что она не прикасается к прутьям и вообще держится от них подальше. Клетка была не такой большой, и давалось это ей с трудом.

Петя подёргал клетку. Дверцы в ней не было. Не было и замка.

— А как?

— Ну придумай, ты же умный! — Девочка села и обняла колени. Майя подумала, что говорит она совсем как взрослая. Пока Петя рылся в инструментах, она разглядывала девочку. Майя была умной и сразу поняла, что все беды, которые с ней приключились сегодня, произошли из-за этой малявки.

— И как тебя зовут? — спросила она.

— Цинтли, — сказала девочка. — А ты Майя.

— Откуда ты знаешь?

— А он Петя, — продолжила девочка. — Я знаю. Я вас выбрала.

— Выбрала? Зачем? — Майя совсем ничего не понимала. Она просто вышла купить газировки, потом

на неё напал арбуз. Вернее, сначала он втёрся в доверие, заставил себя полюбить, а потом убежал и пома-нил за собой. А теперь оказывается, что всё это из-за какой-то маленькой девочки, которую везёт в багаж-нике лысый дядька. И где птица, про которую он го-ворил?

— Я вас выбрала, чтобы вы мне помогли отсю-да убежать.

Петя нашёл ломик и попытался разогнуть прутья. Без особого успеха. Потом он попробовал пилу, пло-скогубцы, домкрат и кирпич, найденный на обочине. Безрезультатно.

— А ты кто? — продолжала допытываться Майя. Девочка пожала плечами.

— Я Цинтли. Была, есть и буду. Я рождаюсь, ра-сту, даю жизнь, умираю и снова рождаюсь.

Майя ничего не поняла.

— А это кто? — Она ткнула в арбуз.

— Это Шочи. Мой брат. Он искал тех, кто мне по-может. Меня украли и заперли.

— Да как же её открыть! — простонал Петя. Он выбился из сил и сел в багажник рядом с клеткой. Майя села с другой стороны. Арбуз Шочи сочувствен-но молчал.

— Отпусти нас, — попросила Майя. — Мы про-сто дети. Мы не знаем, как тебе помочь.

Цинтли зарылась в колени.

— Я только до вас дотянулась, — сказала она. — Большой город, мало земли, мало сил.

— А тебе земля силы даёт? — спросила Майя.

Цинтли не ответила словами, но Майя вдруг представила, точнее — ощутила себя огромным полем, в котором зреют тысячи золотых зёрен. Она увидела сразу все времена года: весну, когда поле пахут и засевают; лето, когда грозы проходят над ним, причёсывая его зелёные волосы гребнями дождей, а после солнце сушит их; осень, когда зёрна наливаются и клонят стебли к земле, и зиму, когда земля засыпает, отдыхая от труда.

Она почувствовала силу: огромную силу дождя, солнца и зерна — и тоску Цинтли, которая была оторвана от земли.

Петя, который, похоже, почувствовал то же самое, открыл глаза.

— Я сейчас! — сказал он. — Я быстро!

Он сорвался с места и исчез в лесу.

Майя смотрела на Цинтли.

— Твой дом... — сказала она. — Он далеко отсюда?

— Очень, — ответила Цинтли. — Но ты мне можешь.

Она не просила, она говорила с полной уверенностью. Майя не знала, что сказать, но тут в небе слышался далёкий звук. Рокот мотора. Он постепенно

приближался, и вот над дорогой завис вертолёт. Спустился ниже, почти задевая скалу лопастями, откуда вывалилась верёвка, и по ней ловко, как обезьяны, спустились пять мужиков в чёрной форме, в шлемах и с автоматами. А следом, не так ловко, плюхнулся мужик в нежно-голубом костюме.

Глянул на Цинтли и замахал руками, отгоняя вертолёт, как назойливую муху. Вертолёт исчез в небе. Трое бойцов разбежались по сторонам, обыскивая лес.

А мужчина в сопровождении двух суровых дядек с автоматами подошёл к машине. Мельком посмотрел на Цинтли и тут же отвёл глаза. Зато Майю и арбуз изучил очень внимательно. Откашлялся.

— Ты, девочка, кто? — спросил мужчина.

— Майя Верёвкина.

— Майя? — Мужчина вздрогнул. — И что ты... э... тут делаешь?

— Разговариваю с Цинтли, — вежливо ответила Майя.

— Разговариваешь с кем? — Мужчина упорно не смотрел на клетку.

— С Цинтли. — Майя указала на девочку в клетке. — С ней.

— А, ну да, ну да, — забормотал мужчина.

Трое с автоматами вернулись, волоча за собой Петю.